

С. Н. Артёмов, П. И. Гайденко

В поисках следов древнерусских церковных архивов XI–XIII вв.

УДК 95(470)"10/12"+271.2-9:930.253
DOI 10.47132/1814-5574_2022_2_283

Аннотация: Исследование бытования церковных архивов на Руси XI–XIII в. существенно затруднено тем, что имеющиеся в распоряжении историков источники немногословны. Между тем косвенные сообщения летописей, Киево-Печерского патерика и нормы Студийского Алексиевского устава позволяют говорить о существовании такого архива в Печерской обители. Вероятно, архив прославленного монастыря был совмещен с библиотекой и ризницей, находившимися на хорах второго яруса монастырского собора. Данное обстоятельство позволяет предположить, что возникновение в Печерском монастыре летописания стало возможным именно благодаря присутствию в обители такого ценного документального собрания. Есть основания полагать, что прп. Нестор Летописец входил в состав совета старцев обители, выполняющая обязанности «книгохранильника», что позволяло ему быть знакомым с архивом обители. Данное обстоятельство, скорее всего, во многом и предопределило результаты его труда.

Ключевые слова: история Русской Церкви, история домонгольской Руси, Киевская Русь, Нестор Летописец, история церковных архивов.

Об авторах: **Сергей Николаевич Артёмов**

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторических наук и архивоведения Московского государственного лингвистического университета.

E-mail: asn66@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2693-777X>

Павел Иванович Гайденко

Доктор исторических наук, профессор кафедры исторических наук и архивоведения Московского государственного лингвистического университета, председатель редакционной коллегии журнала «Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях», действительный член Общества изучения церковного права им. Т. В. Барсова Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви («Барсовское общество»).

E-mail: prof.gaydenko@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2104-362X>

Для цитирования: Артёмов С. Н., Гайденко П. И. В поисках следов древнерусских церковных архивов XI–XIII вв. // Христианское чтение. 2022. № 2. С. 283–293.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2022

Sergey N. Artemov, Pavel I. Gaidenko

In Search of Traces
of Medieval Russian Church Archives of the 11th–13th Centuries

UDK 95(470)"10/12"+271.2-9:930.253

DOI 10.47132/1814-5574_2022_2_283

Abstract: The study of the existence of church archives in Russia in the 11th–13th centuries is significantly hampered by the fact that the sources available to historians are laconic. Meanwhile, indirect reports from chronicles, the Kiev Caves Patericon and the norms of the Studite-Alexis Typicon allow us to speak about the existence of such an archive in the Kiev Caves Monastery. Probably, the archive of the famous monastery was combined with the library and sacristy, located in the choirs of the second tier of the monastery cathedral. This circumstance suggests that the emergence of chronicle writing in the Kiev Caves Monastery became possible precisely due to the presence of such a valuable documentary collection in the monastery. There is reason to believe that St. Nestor the Chronicler was a member of the council of the elders of the monastery, performing the duties of a “bookkeeper”, which allowed him to be familiar with the archives of the monastery. This circumstance, most likely, largely predetermined the results of his work.

Keywords: history of the Russian Church, history of pre-Mongolian Rus, Kievan Rus, Nestor the Chronicler, history of church archives.

About the authors: **Sergey Nikolaevich Artemov**

Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Historical Sciences and Archival Studies, Moscow State Linguistic University.

E-mail: asn66@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2693-777X>

Pavel Ivanovich Gaidenko

Doctor of Historical Sciences, Professor of Moscow State Linguistic University; Chairman of the Editorial Board of the Journal “Palaeorosia”; full member of the T. V. Barsov Society for the Study of Church Law (“Barsov Society”) of St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church.

E-mail: prof.gaydenko@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2104-362X>

For citation: Artemov S. N., Gaidenko P. I. In Search of Traces of Medieval Russian Church Archives of the 11th–13th Centuries. *Khristianskoye Chteniye*, 2022, no. 2, pp. 283–293.

Вопрос о существовании в Древней Руси XI–XIII вв. архивов должен быть отнесен к числу тех проблем, разрешение которых едва ли имеет однозначный и простой ответ. Данное обстоятельство объясняется одной простой, но вполне очевидной причиной: источники умалчивают о существовании на Руси XI–XIII вв. архивов в том смысле, как мы понимаем их сегодня или как понимали их в Византии. Впрочем, отсутствие прямых упоминаний о таковых архивах едва ли может считаться безусловным доказательством их отсутствия как такового. Несомненно, на Руси присутствовала культура создания, использования и хранения документов. Иной вопрос, насколько она была востребована и совершенна. О трудностях, которые поджидают исследователей при разрешении обозначенной проблемы, можно судить по работе В. М. Панеяха, проанализировавшего проблему появления на Руси частного акта [Панеях, 1994, 19–40]. Именно возникновение частного акта может рассматриваться в качестве аргумента в пользу того, что с возникновением такового возникал и архив, в котором надлежало храниться документам, поскольку архив не только сохранял копию документа, но и гарантировал обеспечение юридической точности создававшихся документов.

При всех своих специфических сторонах, отражавших местный колорит и неоднозначную действительность еще не вполне христианизированного общества, которое митрополит Иоанн Продром на исходе XI столетия считал «покинутым богом» [Письмо митрополита Иоанна, 2016, 127–128; Гайденко, 2022, 50–61], церковная организация на Руси оставалась неотъемлемой частью византийского мира и его культуры. А следовательно, и по своей организации, и по формам управления она исходила из норм и практик Византии, считая таковые образцовыми. Именно к этому положению дел апеллировали Нифонт Новгородский и Мануил Смоленский, отказываясь признать право местных епископов избрать и «поставить» себе митрополита в 1147 г. без благословения патриарха¹. Следовательно, было бы естественным ожидать, что и в области создания и хранения своих документов местная церковная иерархия опиралась на опыт и нормы, принятые в империи. Тем более что в описываемый период в Византии и в ее церковных институтах существовала широкая и сложная сеть архивов².

Между тем на Руси применительно к рассматриваемому периоду явные следы архивохранилищ не обнаруживаются ни в сообщениях письменных источников, ни в результатах археологических раскопов, ни в пространственных решениях сохранившихся соборов и церквей³. Лишь Алексиевский Студийский устав, нормы

¹ «Новгородский Нифонтъ. Смоленский Мануилъ. рекоста не естъ того в законѣ аeko ставити епѣпомъ митрополита. безъ патриарха. но ставити патриархъ митрополита. а не поклонивъ ти с.а. ни слоуживъ с тобою. зане не взалъ еси блгвѣннѣ. оу стоѣ Софѣи ни ѿ патриарха. аще ли с.а исправиши блгословиши с.а.» [Ипатьевская летопись, 2001, стб. 340–341; Макарий Булгаков, 1995, 292–294; Голубинский, 1997, 300–316.; Панова, 2018, 98–118].

² О церковных и иных архивах Византии см. подр. исследования А. В. Меньшикова [Меньшиков, 2005, 38–48; Меньшиков, 2009].

³ Знаменитое сообщение Повести временных лет о собранных Ярославом Владимировичем переводчиках и переписчиках книг, скорее всего, нуждается в более широком понимании. Общепринятым в историографии стало соотнесение первых древнерусских библиотек, скрипториев и школы с Киевской Софией и Десятинным собором. При этом наиболее крупным книжным центром Руси XI в. традиционно рассматривается основанная Ярославом Владимировичем София. Основой для этого мнения служит летописное известие, размещенное под 1037 г. и связывающее окончание строительства Софийского собора и Золотых ворот города с начинаниями Ярослава в деле собирания книг: «и бѣ Ярославъ любѣ цркъвннѣ оуставы. и попы любаше по велику излиха же бѣ любѣ В черноризци. и книгамъ прилежа почитае часто. в днь и въ нощи. и собра писцѣ многы. и прѣкладаше ѿ Грѣкъ на Словенскыи азыкы. и писма. и списаша многы книги. и снискайми же поучаютьсѣ вѣрнии людье. и наслажаютьсѣ оучениа бжтвѣнаго гласа» [Ипатьевская летопись, 2001, стб. 139–140]. Далее в этой же записи сообщается о книжном вкладе Ярослава для Софии. Данное обстоятельство позволило М. С. Грушевскому со свойственным для научной традиции конца XIX – начала XX вв. предположить существование при кафедральном соборе

которого были приняты в Печерском монастыре и последовавших ему обителях, содержал примечательную главу о том, как надлежит обращаться с книгами, и об обязанности «книгохранильника» и пономаря, попечению которых и доверялись эти книги, — «О томъ иже съ всяцемъ прилежаниемъ книгъ блости книгохраниль(к) и порамон(н)» [Студийско-Алексиевский устав, 2001, 408]. Отмеченное умолчание древнерусских источников об архивах видится странным и нуждается в осмыслении. Дело в том, что часть сведений, отраженных составителями сводов на страницах летописей, могла быть почерпнута только из записей и документов княжеских и церковных архивов. Однако если влияние устных преданий на формирование древнерусского летописания хорошо изучено и разработано⁴, то проблема работы древнерусского книжника XI–XIII вв. с княжескими и церковными архивами, при всей изученности письменного фонда, с которым приходилось сталкиваться летописцу, крайне редко привлекает к себе внимание исследователей.

Знакомство с летописными текстами, иммунитетными пожалованиями, княжескими уставами, духовными и купчими грамотами, к которым в примыкает и знаменитое 25-е граффити о покупке земли Бояна для Кирилловской церкви [Высоцкий, 1966, 61–70 (25-е граффити)], позволяет заключить, что в распоряжении их авторов и составителей находились не только различные исторические и литургические тексты, но и широкий пласт документов, которые могут быть отождествлены с образцами документов и архивами княжеских и святительских канцелярий⁵. Во всяком случае, уже ранние русские акты составлены в соответствии с имевшими тогда место нормами или традиционными формами документов подобного типа. К таким могут быть отнесены цитирующиеся Повестью временных лет договоры Руси с греками [Ипатьевская летопись, 2001, стб. 23–32, 35–42], почти «протокольное» описание под 1147 г. архиерейского собора в Киеве [Ипатьевская летопись, 2001, стб. 340–341], приговор в отношении епископа Ростовского Феодора и совершенная над ним расправа [Лаврентьевская летопись, 1997, стб. 355–357; Ипатьевская летопись, 2001, стб. 551–554], обвинения в адрес епископа Ростовского Кирилла [Лаврентьевская летопись, 1997, стб. 452] и др. Не менее примечательно, что в основе Печерского патерика также лежит личная переписка трех постриженников обители. С некоторой условностью в ней можно видеть своего рода «личный архив» инока Поликарпа. В переработке составителя патерика эта переписка приобрела вид двух больших

Киева не просто школы, а целой «академии». Тем не менее стало бы большим преувеличением видеть в первых «центрах» русской книжности большее, чем они являлись. Примером подобной осторожной оценки летописных сообщений служит статья Г. В. Папакина. Отмечая заслуги М. С. Грушевского и ценность книжного наследия, связываемого с Софией, исследователь обоснованно обратил внимание на неоправданность очевидных преувеличений, приписывающих Софии статус «академии» [Папакин, 2018, 23–30]. К тому же такая интерпретация основывается преимущественно не на прямых, а на косвенных данных. Упомянутая летописная запись, как и летописная запись о собирании князем Владимиром детей для «учения книжного» [Ипатьевская летопись, 2001, стб. 108], не дают ясных и однозначных сведений, где именно эти школы и книжные центры располагались, кем были их ученики и преподаватели, что изучалось, наконец, каковы были плоды их труда. Сообщения летописца в большей мере обладают не информационным, а риторическим содержанием, отражавшим не столько успехи русских книжников, сколько заслуги князя Ярослава [Ипатьевская летопись, 2001, стб. 139–141].

⁴ Примером этого может служить статья (как и предложенная в ней историография) С. В. Алексева [Алексеев, 2020, 11–33].

⁵ Деятельность княжеских канцелярий была с предельной аккуратностью реконструирована С. М. Каштановым [Каштанов, 2014, 80–104]. Несколько сложнее обстоит дело с реконструкцией деятельности канцелярий правящих архиереев. Об их существовании в домонгольский период в значительной мере можно судить по деятельности новгородской кафедры эпохи епископа Нифонта, святительство которого было в значительной мере отмечено трудами его секретаря и доместика Кирика. Труды этого талантливого новгородского клирика в значительной мере позволяют усматривать существование в Новгороде своего рода епископской канцелярии, решавшей вопросы регламентации церковной жизни местного клира [Гайденко, 2012, 83–92].

посланий — Владимирского епископа Симона к Поликарпу, а также самого Поликарпа к архим. Акиндину. Определенно данные послания вполне могут рассматриваться не только в контексте агиографии и эпистолярного наследия, но и в контексте формирования личных монашеских архивов и библиотек. В значительной мере к перечисленным известиям примыкают древнерусские эпистолии, систематизированные и изученные Н. В. Поньрко [Поньрко, 1992].

Наиболее аккуратный обзор развития первых древнерусских библиотек принадлежит М. Н. Тихомирову [Тихомиров, 1963, 51–66]. О наличии в некоторых монастырях библиотек, принадлежавших как самим обителям, так и их насельникам, можно судить по известиям Киево-Печерского патерика, сохранившего упоминания об общей монастырской библиотеке и книжных собраниях некоторых иноков. Например, завершая рассказ об участии греческих мастеров в создании Печерской обители, Патерик помимо прочего сообщает: «Тогда все черноризцы и греки, мастера и иконописцы, прославили великого Бога и чудотворную икону Его пречистой Матери, и святых отцов Антония и Феодосия. И со временем те и другие, мастера и иконописцы, окончили жизнь свою монахами в Печерском монастыре и положены в своем притворе; свитки их и ныне лежат на полатах, и книги их греческие хранятся в память чуда» [Киево-Печерский патерик, 2004, 311]. Не менее почтительно Патерик сообщает и о сохранявшихся в монастыре книгах князя Николы Святоши: «Никогда не вкушал он ничего иного, кроме монастырской пищи; хотя он и много имел, но все то на нужды странников и нищих отдавал и на церковное строение. Книги же его многие сохранились и донине» [Киево-Печерский патерик, 2004, 377]. Личными библиотеками обладали прп. Никита, прп. Спиридон Просфорник, прп. Григорий Чудотворец. А прпп. Олимпий и Пимен, по крайней мере, имели к ним доступ [Киево-Печерский патерик, 2004, 394, 396, 406, 408, 456, 470, 488].

Не меньший интерес вызывают княжеские уставы церквам и кафедрам. При том что большинство списков перечисленных документов — позднего происхождения, в их основе (это касается прежде всего Уставов Владимира и Ярослава Церкви) лежат нормы, восходящие к эпохе Крещения Руси [Шапов, 1972; Голубинский, 1997, 617–639; Юшков, 1989, 74–97]. Предельно хорошая сохранность и многочисленность этих памятников указывает на внимательное отношение Церкви к проблеме закрепления за собой иммунитетных пожалований. Однако в рассматриваемой ситуации примечательным видится иное. Все эти уставы и закрепленные в них нормы, практическая значимость большинства из которых в условиях конца XIV–XVI вв., когда эти списки были созданы, видится сомнительной и вызывает вопросы, могут рассматриваться как плод правой культуры Руси. Очевидно, что уже в XII в. пришло понимание необходимости унификации действовавших на Руси церковных норм, что не могло быть достигнуто без их распространения в церковной среде. В результате проблема сохранности и распространения таковых памятников в церковной среде как XI–XIII вв., так и более позднего времени нуждается в дополнительных исследованиях, поскольку может быть рассмотрена в контексте практик «документооборота». О плодотворности и перспективности усилий в отмеченном направлении можно судить по целому комплексу публикаций, которые связаны с появлением Вопрошания Кирика Новгородца, купчей Антония Римлянина на землю и его же духовной, вкладной грамоты Варлаама Хутынского (см. подр.: [Духовная Антония Римлянина, 1949, 159–161; Данная Антония Римлянина, 1949, 159; Данная Варлаама, 1949, 161–162; Тихомиров, 1945, 225–241; Янин, 1990, 206–212; Валк, 2000, 531]) или же проблемой подделок⁶.

Вероятно, из митрополичьего и епископских архивов летописцами черпались различные похвалы в адрес почивших княгинь и князей, прежде всего Ольги, Владимира Святославича, Бориса и Глеба, Ярослава Мудрого, Андрея Юрьевича Боголюбского

⁶ Проблема фальсифицированных грамот, присутствовавших в церковной среде, была рассмотрена В. Л. Яниным. При том что практически все выявленные им подделки относятся к более позднему времени, нельзя не признать, что сам факт их появления указывает на их исключительную значимость в жизни монастырей и храмов [Янин, 1990, 353–360].

и др., а также записи о знаковых событиях из жизни кафедр с указанием точных дат и участников — о вступлении архиереев на кафедру, освящениях соборов, смерти и погребениях иерархов. Вероятно, источниками посмертных слов летописцев в адрес князей могли служить тексты, готовившиеся для актов их канонизации или, по меньшей мере, для актов, которые могли санкционировать их особое помятие и почитание⁷. Скорее всего, решение об особом почитании князей мог санкционировать митрополит или местный архиерей⁸. Во всяком случае, в церковной культуре домонгольской Руси культы святых «блаженных» князей хорошо прослеживаются не только на местном, но и на общерусском пространстве. При всей гипотетичности высказанных М. Д. Присёлковым предположений об усилиях князя Ярослава добиться у Константинополя признания святости Владимира Святославича, вслед за выдающимся историком приходится признать, что Борис и Глеб были единственными русскими князьями, чья святость получила признание на общецерковном уровне [Присёлков, 2003, 43–46]. Церковное почитание остальных князей и княгинь, судя по всему, имело местный характер и ограничивалось границами княжеских семей.

Не исключено, что не менее ценным источником для работы книжников могли служить синодики, значение которых для русской церковной истории колоссально⁹. Во всяком случае, исследования последних лет вполне убедительно продемонстрировали возможности этого источника по истории древнерусского общества и общества России раннего Нового времени.

Наконец, еще одним указанием на существование на Руси кафедральных и иных архивов могут служить известия о вступлении иерархов на кафедру, о времени их смерти, об освящении соборов, перенесении мощей, торжественных встречах князей, княжеских иноческих постригах. Точная фиксация этих событий, которая нередко сопровождается описанием происходившего с указанием множества мелких деталей, позволяет предположить, что все эти сведения могли быть почерпнуты летописцем из каких-то записей, отражавших жизнь кафедр.

Впрочем, все указывает на то, что в описываемый период архив, библиотека и ризница еще не были в полной мере разделены. Так, уже приводившаяся выше выдержка из Алексиевского устава связывает обязанности библиотекаря («книгохранильщика») и пономаря. Вероятно, вопросы сохранности кафедральных архивов могли оставаться в сфере обязанностей епископских «секретарей» или «хартофилаксов» (хранителей хартий, бумаг, книг, грамот). Именно Хартофилакс Великой церкви (Софии Константинопольской) являлся хранителем патриаршего архива. Анализ деятельности Кирика Новгородского и совопрошателей Илии и Саввы позволяет заключить, что все они выполняли обязанности, характерные именно для епископских секретарей [Гайденко, 2012, 83–92], а их хорошее знакомство с каноническими практиками и нормами

⁷ В рассматриваемом случае приходится признать, что на Руси в описываемый период, кажется, еще не существовало ясного различия почитания общерусских и местночтимых святых князей. Описанный в летописании пример включения имени прп. Феодосия в общерусские синодики для постоянного почитания едва ли решал проблему его общецерковного почитания в Греческой Церкви в целом. В любом случае это была местная практика. Аналогичным образом, кажется, необходимо рассматривать и культы святых князей. Безусловно, к началу монгольского нашествия таковые уже существовали. Примером этого могут служить княжеские захоронения в Киеве, в Вышгороде, во Владимире-на-Клязьме и др., а также образы князей в храмовых росписях Кирилловской церкви Киева [Гайденко, 2020а, 81–94; Гайденко, 2020б, 28–45; Ганшин, 2018, 169–180; Ганшин, 2021, 64–79].

⁸ Весьма показательно, что участвовавший в перенесении мощей Бориса и Глеба митрополит, по словам летописца, не верил в святость погибших братьев и признал таковую только в результате совершившегося во время церемонии чуда [Ипатьевская летопись, 2001, стб. 171–172]. Таким образом, описанные летописцем обстоятельства позволяют предположить, что святитель возглавил службу явно под давлением княжеской воли. Однако именно участие митрополита в перенесении мощей легитимизировало почитание страстотерпцев.

⁹ В данном отношении заслуживают внимания работа Ирины Владимировны Дергачевой [Дергачева, 2011].

указывает на то, что они не просто обладали высоким уровнем грамотности и образования, а имели доступ к епископской библиотеке, по крайней мере к номоканону, хранение которого в описываемый период являлось привилегией святителей¹⁰.

Если вернуться к Студийскому Александрийскому уставу, то упоминание в нем библиотекаря и пономаря вместе позволяет допустить, что местом хранения книг, а, возможно, с ними и документов в обители могла служить ризница. Примечательно, что в списке имущества, якобы присвоенного епископом Ростовским Кириллом, книги стоят в одном ряду с остальными вещами и не выделяются летописцем из комплекса епископского имущества. Данное обстоятельство примечательно еще такой деталью: приведенный летописцем список ценностей хоть и упоминает эти книги, но не содержит их названия.

Как уже было отмечено выше, источники не позволяют однозначно определить, где располагались первые древнерусские церковные архивы. Однако связь древнерусских церковных архивов с ризницей, библиотекой и ценным имуществом дает основание полагать, что местом расположения архивов могли служить «палаты». Основанием для высказанного предположения служит уже приводившееся выше сообщение Киево-Печерского патерика, упоминавшего, что библиотека монастыря сохранялась на «полатах».

По мнению практически всех исследователей, от И. И. Срезневского и М. Р. Фасмера до А. С. Преображенского, «палаты» — калька греческого «*παλάτια*», объединявшая в себе значения многофункционального дворцового и храмового пространства [Срезневский, 1902, стб. 1121–1124; Фасмер, 1909, 154–155; Заграевский, 2010, 182–195; Голубева, 2010, 335–348; Преображенский, 2015 и др.], которое, скорее всего, в русской традиции являлось наиболее теплым. Вероятно, поэтому в дальнейшем отмеченная особенность связала в быденном сознании «полаты» с теплотой, поднятой над полом лавкой для отдыха. В древнерусском соборе «полаты» — это верхние хоры, а точнее — верхние галереи второго яруса, место молитвенного стояния князей и хоров, наиболее теплая и недоступная для посторонних часть храма. Однако в Киево-Печерском монастыре таковые галереи располагались в Успенском соборе¹¹. При всем грандиозном пространстве собора величина этих галерей в нем недостаточна для размещения больших библиотек. Однако она достаточна для хранения на них различных грамот и иных записей. Каменное строение, более благоприятная температурная среда хор, сакральный характер места и одновременно недоступность для посторонних могли обеспечить хранившимся здесь вещам, книгам и документам максимальную защиту, какую в условиях того времени мог предложить монастырь и собор. Данное обстоятельство позволяет предположить, что соборные церкви действительно могли выполнять функции, подобные тем, что выполняют муниципальные и государственные архивы. В данном отношении примечательно, что подобные функции прослеживаются в обязанностях клира Киевской Софии, на что обратил внимание С. А. Высоцкий [Высоцкий, 1966, 61–70 (25-е граффити)], результаты исследования которого нашли поддержку и получили развитие в публикациях В. В. Корниенко, М. М. Дробышевой и Д. М. Котышева [Корниенко, 2018, 414–416; Дробышева, 2020, 130–145; Котышев, 2020]. Как бы ни разрешался вопрос о времени этой покупки и личности Всеволодовой вдовы, запечатленная на стенах собора сделка, связанная

¹⁰ О роли кафедр в сохранении Номоканонов и византийской каноническо-правовой традиции в домонгольской Руси см. подр.: [Белякова и др., 2017, 59–72]. Как это видится, высокая роль епископа в сохранении норм Номоканона в описываемый период могла сохраняться и в силу сложности Номоканона для понимания и использования его статей при выборе епитимии. Отсутствие толкований к первым Кормчим приводила, по мнению исследователя, и к лаконизму формулировок Устава Ярослава, и к тому, что определение «вины» и выбор наказания, «альтернативного» княжескому, всецело возлагался на правящего архиерея [Милов, 2006, 108–109].

¹¹ По мнению М. К. Каргера, хоры-галереи Успенского собора Киево-Печерского монастыря охватывали не только западную часть собора, но также западную и восточную его части [Каргер, 1961, 368].

с покупкой земли Бояна для Кирилловского монастыря, — пример одного из древнейших древнерусских актов, форма и нормы которого очень точно отражали процедуры, характерные для Руси описываемого периода [Гайдено, 2013, 104–110]. Например, присутствие в записи имен 12 священников-свидетелей в полной мере соответствует древнерусской практике подтверждения законности соглашений [Милов, 1998, 196–202; Милов, 2006, 7–15]. Впрочем, если допустить, что монастырский архив хранился вместе с библиотекой и ризницей, то это позволяет приблизиться к решению по крайней мере двух важных проблем. Во-первых, возникает возможность реконструировать состав архива Киево-Печерского монастыря, а во-вторых, уточнить монастырское послушание прп. Нестора Летописца, личности которого было посвящено специальное сочинение М. Д. Присёлкова [Присёлков, 2009].

Отличное знакомство Нестора Летописца и его продолжателей с документами, которые можно было бы отнести к документам княжеского архива, митрополичьей канцелярии и архиву монастыря, позволяет заключить, что эти документы должны были оставаться для книжников доступными, находиться в значительном объеме и, по меньшей мере, размещаться в одном месте. Поэтому нельзя исключать того, что все упомянутые группы актов и текстов могли храниться в Печерском монастыре либо в качестве документов и артефактов, имевших религиозную и сакральную ценность для обители, либо в качестве черновиков осуществлявшихся в обители переводов, копий протоколов, выписок из церковных судов и епископских соборов, а также копий документов из княжеских архивов (например, договоров с греками). Здесь же могли храниться переписка обители, личные письма монахов и насельников, а также монастырские описи имущества (например, утвари и книг, закупувавшихся в Греции¹²).

Все перечисленное позволяет заключить, что прп. Нестор, скорее всего, при работе пользовался всеми перечисленными документами прямо в обители. Такая доступность документов могла иметь место только в том случае, если бы прп. Нестор по своему послушанию принадлежал к кругу лиц, которые принимали участие в управлении обителью: например, входил в число геронтов монастыря¹³ и/или выполнял послушание «книгохранильщика». Подобная практика управления монашескими общинами присутствовала (как имеет место и сейчас) на Афоне, откуда она, вероятно, и была заимствована [Оспенников, Гайдено, 2020, 202–214]. Примечательно, что продолжатель труда прп. Нестора Сильвестр также имел непосредственное отношение к управлению обителью, являясь игуменом Выдубицкого монастыря.

При всей гипотетичности некоторых из высказанных суждений, исходящих из косвенных указаний и интерпретаций, опирающихся на крайне краткие фрагментарные указания летописцев, можно заключить, что Печерский монастырь, а вместе с ним, вероятно, и иные обители обладали собственными архивами. Основу архива Печерского монастыря составляла библиотека, личная переписка иноков, копии актов, составлявшихся в митрополичьей и княжеской канцеляриях и др. Местом расположения архива и библиотеки прославленного монастыря являлись полаты, или хоры-галереи, второго яруса Успенского собора. Размещение здесь документов, скорее

¹² Например, краткое, но емкое известие о смерти игумена Выдубицкого монастыря Варлаама содержит немногословное известие о привезенном из Константинополя имуществе почившего настоятеля Выдубицкой обители Варлаама [Житие Феодосия Печерского, 1997, 386–389].

¹³ Следы этого совета старцев просматриваются в историях прп. Арефы Черноризца, обращавшегося к старцам по случаю его ограбления, и прп. Никиты [Киево-Печерский патерик, 2004, 386–389, 395, 397]. Примечательно, что в истории прп. Никиты этот совет геронтов, напоминающий афонскую практику управления монастырями через посредство старцев, перечислен поименно. Среди его членов указан и прп. Нестор: «Не могли стерпеть этого преподобные те отцы: Никон-игумен, Пимен Постник, Исайя, что был епископом в Ростове, Матфей Прозорливец, Исакий святой Пещерник, Агапит Целитель, Григорий Чудотворец, Никола, бывший после епископом Тмутаракани, Нестор, который написал Летопись, Григорий, творец канонов, Феоктист, бывший после епископом Черниговским, Онисифор Прозорливец. И все эти бононосцы пришли к прельщенному» [Киево-Печерский патерик, 2004, 395].

всего, объяснялось вопросами безопасности. Одновременно с этим есть все основания говорить о том, что прп. Нестор Летописец нес послушание «книгохранильщика» и являлся старцем обители, входя в своего рода совет геронтов обители. Данное обстоятельство и предопределило успех его труда по созданию летописного свода.

Источники и литература

Источники

1. Данная Антония Римлянина (1949) — Данная Антония Римлянина Антониеву монастырю на землю у реки Волхова, купленную им у Смехна и Прохна Ивановых детей // Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подгот. к печати В. Г. Гейман, Н. А. Казакова, А. И. Копанев [и др.]; под ред. С. Н. Валка; Ин-т истории Акад. наук СССР. Ленингр. отд-ние. М.; Л.: Изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1949 (Ленинград). С. 159.

2. Данная Варлаама (1949) — Данная Варлаама Спасо-Хутынскому монастырю на земле с угодьями, челядью и скотом // Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подгот. к печати В. Г. Гейман, Н. А. Казакова, А. И. Копанев [и др.]; под ред. С. Н. Валка; Ин-т истории Акад. наук СССР. Ленингр. отд-ние. М.; Л.: Изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1949 (Ленинград). С. 161–162.

3. Духовная Антония Римлянина (1949) — Духовная Антония Римлянина // Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подгот. к печати В. Г. Гейман, Н. А. Казакова, А. И. Копанев [и др.]; под ред. С. Н. Валка; Ин-т истории Акад. наук СССР. Ленингр. отд-ние. М.; Л.: Изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1949 (Ленинград). С. 159–161.

4. Житие Феодосия Печерского (1997) — Житие Феодосия Печерского / Подг. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси / РАН, Ин-т русск. лит. (Пушкинский дом); под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. С. 352–433.

5. Киево-Печерский патерик (2004) — Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 4: XII век / Под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2004. С. 296–489, 641–667.

6. Корниенко (2018) — *Корниєнко В. В.* Корпус графіті Софії Київської (XI — початок XVIII ст.). Ч. 8: Південні внутрішня та зовнішня галереї / НАН України, Ін-т української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського, Нац. заповідник «Софія Київська». Київ: Горобець, 2018. 680 с.

7. Письмо митрополита Иоанна (2016) — Письмо митрополита Иоанна Ф. Продрому // *Макарий (Веретенников), архим.* Митрополиты Древней Руси (X–XVI) века. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2016. 1255 с.

8. Лаврентьевская летопись (1997) — Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1997. VIII, 733 с.

9. Ипатьевская летопись (2001) — Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. 648 с.

10. Студийско-Алексиевский устав (2001) — Студийско-Алексиевский устав // *Пентковский А. М.* Типикон Патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М.: Изд-во Моск. Патриархии, 2001. С. 231–420.

11. Щапов (1972) — *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в древней Руси. XI–XIV вв. М.: Наука, 1972. 338, 2 с.

Литература

12. Алексеев (2020) — *Алексеев С. В.* Устное предание в древнерусском летописании XI — начала XII века // Люди и тексты. Исторический альманах. 2020. № 13. С. 11–33.

13. Белякова и др. (2017) — *Белякова Е. В., Мошкова Л. В., Опарина Т. А.* Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию [Текст] / Институт российской истории Российской академии наук. М.; СПб., 2017. 494, [1] с.
14. Валк (2000) — *Валк С. Н.* Начальная история древнерусского частного акта // *Валк С. Н.* Избранные труды по историографии и источниковедению / Отв. ред. В. Н. Гинев. М.: Наука, 2000. С. 516–555.
15. Высоцкий (1966) — *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской. XI–XIV вв.: Вып. 1 / Отв. ред. П. Н. Попов. Киев: Наукова думка, 1966. 239 с.
16. Гайденко (2012) — *Гайденко П. И., Фомина Т. Ю.* О церковном статусе Кирика Новгорода и иных составителей «Вопрошания» // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2012. № 16 (270). С. 83–92.
17. Гайденко (2013) — *Гайденко П. И., Москалёва Л. А., Фомина Т. Ю.* Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы: монография. М.: Университетская книга, 2013. 150 с.
18. Гайденко (2020а) — *Гайденко П. И.* Когда князь становился святым? Несколько наблюдений о феномене святости древнерусских князей XI–XIII вв. // *Палеорусия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях.* 2020. № 1 (12). С. 81–94.
19. Гайденко (2020б) — *Гайденко П. И.* Когда князь становился святым? Несколько наблюдений о феномене святости древнерусских князей XI–XIII вв. (Продолжение) // *Novogardia.* 2020. № 4 (8). С. 28–45.
20. Гайденко (2022) — *Гайденко П.* Лист Йоанна Продрома: візантійський снобізм чи відчай інтелектуала? (Кілька зауважень про руські реалії другої половини XI ст.) // *Byzantinoucrainica.* 2022. Vol. I. С. 50–61.
21. Ганшин (2018) — *Ганшин О. В.* Сакральна організація князівської усипальні Кирилівської церкви Києва та датування її фрескових розписів // *Славістична збірка / НАН України, Інститут української археології та джерелознавства імені М. С. Грушевського.* Київ, 2018. Вип. IV. С. 169–180.
22. Ганшин (2021) — *Ганшин О. В.* Історіографічний парадокс двох ктиторських композицій у Кирилівській церкві Києва // *Novogardia* 2021. № 1. С. 64–79.
23. Голубева (2010) — *Голубева А. А.* К вопросу о функциональном назначении полатей (хор) в древнерусском зодчестве: место князя или женская галерея // *Труды Государственного Эрмитажа.* СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. Т. LIII: Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков. Материалы международного семинара 17–21 ноября 2009 года. С. 335–348.
24. Голубинский (1997) — *Голубинский Е. Е.* История Русской церкви / [Репр. изд.]. М.: Крутицкое Патриаршее подворье: О-во любителей церковной истории, 1997–2002. (Материалы по истории Церкви). Т. 1, [1]: Кн. 16: Период первый, киевский или домонгольский: Первая половина тома. М.: Крутицкое патриаршее подворье: О-во любителей церков. истории, 1997. XXIV, 968 с.
25. Дергачева (2011) — *Дергачева И. В.* Древнерусский Синодик: исследования и тексты / Российская акад. наук, Ин-т философии. М.: Кругъ, 2011. 398, [6] с.
26. Дробышева (2020) — *Дробышева М. М.* Граффито No 25 из Софии Киевской: что мы знаем о покупке «Бояновой земли»? // *Вестник Пермского университета. История.* 2020. № 1 (48). С. 130–145.
27. Заграевский (2010) — *Заграевский С. В.* О предназначении полатей (хор) в древнерусских храмах // *Материалы Межрегиональной краеведческой конференции (24 апреля 2009 г.). Сборник статей / [Редкол: М. А. Барашев и др.; сост. Т. Б. Шестернина].* Владимир: Владимирская областная универсальная научная библиотека им. М. Горького, 2010. С. 182–195.
28. Каргер (1961) — *Каргер М. К.* Древний Киев: в 2 т. / Отв. ред. Н. Н. Воронин. Л.: Ленингр. отд. Изд-ва АН СССР, 1961. 661 с.
29. Каштанов (2014) — *Каштанов С. М.* Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси / Отв. ред. В. Л. Янин. М.: Наука, 2014. 674 с.
30. Котышев (2020) — *Котышев Д. М.* Надпись о «Бояней земле» из Киевской Софии: о ранней традиции заключения поземельных сделок в Древней Руси // *Электронный*

научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 6 (92). URL: <https://history.jes.su/s207987840010691-9-1/> (дата обращения: 23.02.2022). DOI: 10.18254/S207987840010691-9.

31. Макарий Булгаков (1995) — *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской церкви. Кн. 2: История Русской церкви в период совершенной зависимости ее от Константинопольского патриарха. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского м-ря, 1995. 702, [1] с.

32. Меньшиков (2009) — *Меньшиков А. В.* Архивы Византии X–XV вв.: дис. ... канд. ист. наук: 05.25.02 / [Место защиты: Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ)]. М., 2009. 156 с.

33. Меньшиков (2005) — *Меньшиков А. В.* Из истории архивов Византийской церкви X–XV вв. // Отечественные архивы. 2005. № 4. С. 38–48.

34. Милов (1998) — *Милов Л. В.* Об «изводе пред 12 человека» Правды Ярослава // Культура славян и Русь: Сб. ст. к 90-летию академика Б. А. Рыбакова. М.: Наука, 1998. С. 196–202.

35. Милов (2006) — *Милов Л. В.* По следам ушедших эпох: статьи и заметки / Отд. Историко-филологических наук РАН. М.: Наука, 2006. 730 с.

36. Оспенников, Гайденко (2020) — *Оспенников Ю. В., Гайденко П. И.* Церковный суд на Руси XI–XIV веков. Исторический и правовой аспекты: монография / Ю. В. Оспенников, П. И. Гайденко; Санкт-Петербургская духовная академия, Общество изучения церковного права им. Т. В. Барсова («Барсовское общество»). СПб.: Изд-во СПбПДА, 2020. 260 с.

37. Панях (1994) — *Панях В. М.* Время возникновения древнерусского частного акта (историографические заметки) // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. Т. XXV. С. 19–40.

38. Панова (2018) — *Панова В. И.* Духовенство Руси XII века по материалам Ипатьевской летописи: монография. Воронеж: Научная книга, 2018. 409 с.

39. Папакин (2018) — *Папакін Г.* Київська «академія Ярослава Мудрого» XI ст.: наукова гіпотеза М. Грушевського та її джерела // *Ucrainica Mediaevalia*. 2018. № 1. С. 23–30.

40. Поньрко (1992) — *Поньрко Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси, XI–XIII вв.: Исслед., тексты, пер. / Н. В. Поньрко; Отв. ред. Д. С. Лихачев; Рос. АН, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). СПб.: Наука: Санкт-Петербург. отд-ние, 1992. 215, [1] с.

41. Преображенский (2015) — *Преображенский А. С.* Между храмом и дворцом: «полати» древнейших русских соборов (к вопросу о происхождении термина) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6. Вып. 1 (34). URL: <https://history.jes.su/s207987840000948-1-2/> (дата обращения: 23.02.2022).

42. Присёлков (2009) — *Присёлков М. Д.* Нестор летописец. СПб.: Русский Миръ, 2009. 153, [2] с.

43. Присёлков (2003) — *Присёлков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб.: Наука, 2003. 244, [1] с.

44. Срезневский (1902) — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1902. Т. 2. Стб. 1121–1124.

45. Тихомиров (1963) — *Тихомиров М. Н.* Городская письменность в древней Руси XI–XIII веков // Труды отдела древнерусской литературы. Л.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 9. С. 51–66.

46. Тихомиров (1945) — *Тихомиров М. Н.* О частных актах в древней Руси. Исторические записки. М., 1945. Т. 17. С. 225–244.

47. Фасмер (1909) — *Фасмер М. Р.* Греко-славянские этюды. 3. Греческие заимствования в русском языке // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1909. Т. 86. VII, 236, 2 с.

48. Юшков (1989) — *Юшков С. В.* Устав кн. Владимира (историко-юридическое исследование) // С. В. Юшков: [Сборник] / Отв. ред. О. И. Чистяков; [Авт. вступ. ст. С. И. Штамм]. М.: Юрид. лит., 1989. С. 71–335.

49. Янин (1990) — *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М.: Наука, 1990. 384 с.